

**Жанат
Кундакбаева**

профессор КазНУ им. аль-Фараби

**Айнур
Бейсенулова**

*старший преподаватель
КазНУ им. аль-Фараби*

ЖЕНА, МАТЬ, ХОЗЯЙКА... РАБОТНИЦА, АКТИВИСТКА

Советский проект эмансипации женщины (1920–1930-е гг.)

Сразу же после революции большевики приступили к реализации проекта по «созданию нового советского человека». Важной частью его было «конструирование» новой советской женщины. Новую женскую идентичность строили в том виде, как ее понимали партийные и государственные деятели. В основе социального конструкта «обычная советская женщина» лежали радикальные марксистские и традиционные российские ценности [1].

Большевики объявили о равенстве женщин в общественно-политической и социально-экономической жизни. Женское освобождение должно было начаться с семьи. До середины 1920-х годов образ новой женщины строился на отрицании семейных ролей. Семья рассматривалась как помеха в работе. Считалось, что женщина окунается в домашние заботы, начинает плохо работать и отвлекается от общественной жизни. Женщина представлялась только в роли общественницы, работницы и коммунистки. Динамичный образ рисовал женщину, включенную в захватывающий производственный процесс, вносящую ежедневную лепту в коммунистическое строительство.

Во второй половине 1930-х происходит смена дискурса. Семья и брак начинают занимать важное место в иерархии ценностей. Поэтому в новом образе женщины совмещаются общественно-политический и семейно-бытовой статусы, перестают критиковаться роли матери, жены, хозяйки дома [2].

В соответствии с данным проектом началась трансформация семейных отношений и изменение социального статуса женщин в Казахстане. К этому времени проблемы семьи, брака, а также социальный статус женщины регулировались в основном нормами обычного права. Большевики объявили старые традиции вредными и запретили их на государственном уровне. Так, в декрете об отмене калыма у киргиз от 28 декабря 1920 года, принятом в Оренбурге, было отмечено, что «приступая к строительству Киргизской советской социалистической республики на новых началах, Киргизский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров считает необходимым самую решительную борьбу с вредными пережитками казахского быта. К числу таких пережитков относятся калым, унижающий честь и достоинство киргизской женщины и превращающий ее в рабыню. Калым способствует закреплению власти богатеев, ставя вопрос о браке в зависимости от материального положения человека» [3]. Киргизский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановили: «Калым – выкуп за невесту, вносимый по обычаям киргизского народа женихом, его родичами и свойственниками родителям, родичам и свойственникам невесты – деньгами, а равно и всяким другим имуществом, в силу особого соглашения сторон устанавливающего обязательство выдать невесту за этого жениха, ОТМЕНИТЬ, признать недействительными сделки, договоры и соглашения о калыме». В декрете были определены меры наказания за нарушение данного декрета – конфискация калымного скота и прочего калымного имущества в двойном размере у лиц, его получивших, и лишение свободы для обеих сторон не свыше одного года [3].

Согласно декрету, в Казахстане теперь легитимным считался только «гражданский советский брак, установленным порядком зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния». При этом отмечалось, что совершение религиозного обряда при вступлении в брак предоставляется на волю брачующихся, но подчеркивалось, что предварительно самый брак должен быть зарегистрирован в отделе записей актов гражданского состояния [4]. Одновременно декрет регулировал новый порядок развода – легитимным признавалось только расторжение брака, зафиксированное в отделе записей загса [5].

Весьма важной частью декрета о брачном, семейном и опекуном праве у киргизов был пункт о том, что в брак могут вступать лица, свободные от всяких других брачных союзов, то есть не состоящие в другом зарегистрированном или не имеющем силу зарегистрированного брака. В данном декрете многоженство было запрещено, «как обычай, глубоко унижительный для нравственного и человеческого достоинства киргизской женщины и создающий порабощения и эксплуатацию ее личности» [5]. Кроме того, большевики запретили браки несовершеннолетних, установив брачный возраст: для девушек – 16 лет, для юношей – не менее 18 лет [3].

Большевики сочли нужным вмешиваться также в условия заключения брака. Так, в пункте 7 было отмечено, что не могут вступать в брак лица, состоящие в родстве – по прямовосходящей линии без ограничения степеней, а в боковых линиях – до четвертого колена включительно без различия мужских и женских линий. При этом в примечании было отмечено, что неполнородные братья и сестры (единокровные и единоутробные) приравниваются к полнородным [6].

Но советский проект эмансипации женщин был намного шире, чем просто предоставление равных прав женщинам и мужчинам. По сути, эмансипация женщин была только видимой частью проекта создания новой советской женщины. Советская власть хотела переопределить те роли, которая женщина играла в обществе. Так, женщина виделась как мать и как работающий член общества. То есть вовлекая женщину в общественное производство, советская власть решала сразу две задачи. С одной стороны, прагматическую – обеспечить индустриализацию рабочей силой в лице женщин. С другой – государство хотело вывести женщину из-под контроля семьи и мужа и подчинить собственному политическому контролю. Как показывает советская история, первая задача была успешно выполнена. Уже накануне Великой Отечественной войны тысячи женщин стали участвовать в общественном производстве и заниматься социально-политической деятельностью [7; 100]. Но выполнить вторую задачу было непросто.

Как писала И. Тартаковская, «традиционно углубленные в частную жизнь и мир личных взаимоотношений, они были не столь проницаемы для идеологических манипуляций правящей элиты» [8]. Сначала пытались втянуть женщину в сферу политики через женотделы. Но, как показала практика, это оказалось неэффективно. Тогда упор сделали на участие женщины в общественном производстве. Предполагалось, что работа сможет изменить сознание женщин и сделать их более доступными государственному контролю. Именно трудовые коллективы считались важнейшими агентами социализации и для мужчин, и для женщин, а работа – главным содержанием жизни [8].

Прежде всего, происходит массивная репрезентация новой свободной женщины на фоне задавленной бытом, несущей на себе неподъемный груз хозяйственной жизни и совершенно бесправной женщины дореволюционного периода. Через такие образы большевики старались поломать традиционные ценностные характеристики. Ведь у казахов критерием настоящей женщины было умение вести хозяйство и организовать быт семьи. Женщина пользовалась уважением в обществе только тогда, когда выполнила свое предназначение быть женой, матерью сыновей, хорошей хозяйкой. Материнство было, безусловно, абсолютной ценностью в культуре казахов. Казахи не признавали за женщиной никаких других ролей, кроме материнства. Ведь основной функцией женщины брачного возраста считалось деторождение и воспитание детей. Что касается распределения хозяйственных обязанностей, то в четком разделении мужских и женских обязанностей в кочевом хозяйстве казахов действительно основной груз домашних забот ложился на плечи женщины. И в европейском понимании это выглядит как дискриминация женщин. Но в понимании самих казахских женщин – это нормальная практика. К тому же в сфере домашнего хозяйства полномочия женщины были практически неограничены. Как при жизни, так и после смерти своих мужей женщины могли управлять целыми селениями и

вести отдельное самостоятельное хозяйство. Замужняя женщина, не имея юридически зафиксированных прав собственности, нередко фактически являлась хозяйкой в семье. Такая женщина принимала активное участие в решении всех семейных дел, а на время отсутствия мужа в период длительных сезонных перекочевок была главой семьи. При решении некоторых вопросов, связанных с воспитанием детей и ведением хозяйства, мнение женщины имело преимущество перед мнением мужчин. Также необходимо отметить, что жены были обычно намного моложе своих мужей и часто становились полноправными хозяйками в семье еще при жизни престарелого мужа [7; 63]. К тому же многие дореволюционные авторы отмечали, что по сравнению с женщинами с нормативной исламской культурой казахские женщины обладали значительной свободой. В повседневной жизни они не закрывали лицо, не находились в затворничестве, узаконенном нормами шариата, и юридически не были лишены права общения с членами других семей без разрешения мужа. Эти положения были закреплены адатом [6; 90].

Другая область традиционной культуры, куда вторглись большевики, была символика и обрядность брака и семьи. К этому времени все стороны жизни казахов, включая обрядовую сторону брака, регулировались адатом – обычным правом и шариатом. Обычной формой вступления в брак было официальное сватовство и свадьба с выплатой калыма или путем умыкания невесты. К традиционным казахским обычаям, имеющим явное доисламское происхождение, относятся браки по праву левирата (эменгерлік) и сорората (балдыз алу). Ключевое значение в свадебном обряде для казахов имели два момента: сватовство – обещание родителей, подтверждаемое молитвой-бата, а также уплата большей части калыма. Так или иначе, с принятием кочевниками ислама законность брака закреплялась совершением мусульманского ритуала соединения жениха и невесты (неке қию), хотя сам свадебный обряд на этом не заканчивался, а продолжался уже в доме родителей жениха, куда молодую перевозили через несколько дней после совершения неке қию. В рассматриваемый период советская власть на законодательном уровне запрещает такие традиционные институты брака у казахов, как калым, левиратный и сороратный брак, полигамия, брак умыканием. Параллельно происходит насильственное внедрение модернизированных советским образом обрядов. Уже начиная с 1920-х годов стали практиковаться «красные свадьбы». Они становятся уже не семейным, а общественно-политическим событием, поводом для антирелигиозной агитации. В целом происходит упрощение и унификация обрядового оформления брака.

Вмешательство большевиков в сферу семейно-брачных отношений не ограничивалось обрядовой стороной брака и изменением его легитимности. Большевики стараются установить контроль над рождаемостью, то есть поменять репродуктивное поведение женщин, тогда как, согласно нормам обычного права, право собственности на фертильный потенциал жены имела семейно-родственная группа мужа. Это нововведение противоречило традиционным ценностным установкам казахов, так как многодетность была безусловным мерилом счастья и благополучия. В шкале оценивания женщин у казахов на первом месте стояли способность к деторождению и плодovitость.

В традиционной казахской культуре беременность, материнство, роды, воспитание детей вообще занимали весьма важное место. Много нормативных стандартов касательно поведения и отношения окружающих сопутствовали беременности, характерно было бережное отношение к беременным: им разрешалось не соблюдать религиозный пост (ораз), окружающие потакали их прихотям в еде (жерік), считая, что желание беременной женщины – это желание будущего ребенка. С другой стороны, беременные женщины продолжали трудиться по хозяйству, нередко выполняя тяжелую работу, которая негативно могла сказаться на беременности. Только на поздних сроках беременности, обычно за 40 дней до предполагаемых родов, женщину освобождали от домашней работы. Но все, что относилось к патологии беременных, а также болезни младенцев рассматривалось казахами как отклонение от нормы и приписывалось проискам вредоносных сверхъестественных существ: албасты, марту или жалмауыз кемпір. Детская смертность была достаточно высокой, да и сами роженицы часто умирали от неблагоприятных родов. В этом смысле государственная забота о материнстве была положительным моментом.

В целом «переопределение материнства» было направлено на установление государственного контроля над приватной сферой семьи. Для решения этой задачи стали создаваться учреждения для общественного воспитания детей. Ю. Градскова рассматривает

ясли – новые учреждения по охране материнства и младенчества как агента культуры. Ясли – это было не просто место, где присматривали за детьми, когда женщина была на работе, но и пространство, где женщин обучали гигиене и осуществляли общественный контроль над ней. Ясли, очевидно, должны были освобождать время для учебы и работы матери на производстве. Но не менее важной представлялась задача вовлечения матери в общественную работу и воспитания ее в качестве воспитательницы своего ребенка, которая обладала бы необходимыми знаниями и умениями [1]. Однако воспитание детей в яслях было отступлением от традиционной казахской культуры, в которой семья была местом где происходила основная социализация детей – приобщение к нормам хозяйственной и общественной жизни, основным ценностным ориентирам общества. Формы воспитания детей, привитие необходимых жизненных навыков были различными: от наблюдения за повседневной жизнью семьи, трудовыми процессами и участия в них до фольклора как формы передачи традиционного знания. В целом казахи уделяли много внимания воспитанию своих детей, которое заключалось в привитии ребенку норм поведения в семье и обществе, а также в знакомстве с основными принципами ведения хозяйства. Исследователи казахского быта XIX века отмечали, что казахи – заботливые и нежные родители, а казахские дети сильны, выносливы и проворны. Уход за ребенком в первые годы его жизни целиком лежал на матери: она кормила его, ухаживала, следила за соблюдением элементарных гигиенических норм, шила ему одежду, перевозила во время перекочетов. Большое значение в воспитании детей играло старшее поколение – бабушка (эже) и дедушка (ата) со стороны отца. Именно старики являлись хранителями традиций семьи, они старались передать их молодому поколению. Старшие женщины семьи (бабушка, пожилые родственницы, чаще – вдова умершего брата или дяди главы семьи), уже не принимавшие активного участия в хозяйственных работах, отдавали все свое свободное время подрастающим детям. В казахской традиционной культуре существовали разные системы воспитания для мальчиков и девочек. Так, воспитание девочки изначально было ориентировано на привитие ей семейных ценностей. Главной задачей матери было подготавливать свою дочь к предстоящей семейной жизни. Мальчику же, как полагали родители, образование больше пригодится в будущей жизни, ведь ему предстоит стать главой своей семьи, вести хозяйство, заключать сделки, решать семейные споры.

К новым практикам материнства относились также дискурсы гигиены и культурности. Большевики считали отсталость и косность быта основной причиной как низкой вовлеченности женщин в общественное производство, так и высокого уровня материнской и детской смертности. Центральным понятием в данном дискурсе является понятие культурности. Известный историк социальной истории сталинизма Ш. Фицпатрик в своей книге о повседневности сталинизма выделяет «несколько уровней культуры, которые предстояло освоить людям в СССР». Так, на первый уровень ею помещается «культура личной гигиены – привычка мыться с мылом, чистить зубы и не плевать на пол – и элементарная грамотность»; на втором – «правила поведения за столом, в общественных местах, обращение с женщиной и основы коммунистической идеологии»; на третьем – культура этикета – «хорошие манеры, правильная речь, опрятная, соответствующая случаю одежда... способность разбираться в таких... предметах, как литература, музыка и балет» [9; 99]. Данная модель отражает большевистское понимание культурности. Большевики предполагали, что повышение общей культуры произойдет в результате посещения лекций, участия в курсах ликвидации неграмотности, клубной деятельности и делегатских собраниях. В результате женщины должны были приобщиться к новой советской ментальности и в итоге изменить практики ухода за детьми. Советы матерям чаще всего касались гигиенического ухода за собственным телом во время беременности и за ребенком и не включали рекомендации по развитию и воспитанию ребенка.

Особенно критичны были большевики к отсталым практикам материнства в национальных районах, в том числе и в Казахстане. Но дело в том, что у казахов были свои нормы культурности и гигиены, основанные на кочевых традициях и нормативной исламской культуре. Знания об этнографических чертах казахов мы черпаем из записок путешественников, участников академических экспедиций, чиновников колониального аппарата. Практически все они единодушны в том, что санитарно-гигиенические нормы у казахов были достаточно высоки. Можно оспаривать степень внедренности нормативного ислама в повседневную жизнь казахов, но одно не подлежит сомнению – в повседневных бытовых практиках ка-

захи руководствовались требованиями к соблюдению чистоты в соответствии с нормами ислама. Как писал известный тюрколог В. В. Радлов, «несомненно, именно благодаря влиянию мусульманской религии киргизам присущ большой порядок в одежде и устройстве жилища, чистота, упорядоченные семейные отношения и более совершенные этические принципы» [10]. С ранних лет казахам прививалась мысль о том, что Создатель любит только чистых и опрятных людей. Знание правил гигиены, а также соблюдение правил личной гигиены было символом поклонения и залогом получения награды Всевышнего. С ранних лет казахи усваивали санитарные нормы исламской культуры и знали правила как следует очищать тело, волосы, уши, нос, горло, зубы, ухаживать за бородой, ногтями в повседневной жизни и перед намазом. К обязательной гигиене относилось сбривания волос на теле, обрезание пуповины и крайней плоти, запрет содержания животных в одном помещении с людьми. К нормам исламской гигиены, которые неукоснительно соблюдались казахами, относился список скверны – плохих, негодных вещей, которые загрязняют своим прикосновением человека.

Таким образом, в ранний советский период большевики предприняли шаги, направленные на утверждение советского образа жизни, поведения и норм. Для этого они стали претворять в жизнь проект модернизации, в основе которого лежала борьба с обычаями и традициями, а также с ценностями и стереотипами поведения дореволюционного времени. Успешная реализация данного проекта была обусловлена тем, что у большевиков была цельная политика социального моделирования, частью которой было формирование новой женской идентичности, в том числе через женские издания. Казахские женщины приняли новую модель существования, поведенческие стратегии, иерархию ценностей, бытовые практики, которые им были навязаны. Но жизнь показывает, что большинство традиций выжили и продолжают существовать, правда, в измененном виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градскова Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1999.
2. Шабатура Е. А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917–1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disserscat.com/content/obraz-novoi-zhenshchiny-v-sovetskoj-kulture-1917-1929-gg>.
3. ЦГОР. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 451. 1919–1920. Л. 133.
4. Там же. Л. 129.
5. Там же. Л. 132.
6. Декрет (копия проекта о брачном, семейном и опекуном праве у киргизов // Архив Института истории партии при ЦК КП Казахстана. Ф. 811. Оп. 20. Д. 463.
7. Стасевич И. В. Социальный статус женщин у казахов: традиции и современность. Спб., 2011. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-038260-2/.
8. Тартаковская И. Становление современной российской гендерной системы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genderpage.ru/?p=744/>.
9. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история советской России в 30-е годы. Город. М., 2008.
10. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989.

